

Край Ноева ковчега

АРМАН ГАСПАР

Очень немногим путешественникам, а тем более журналистам, представилась возможность в последние годы посетить восточные районы Турции. До осени прошлого года на востоке и юго-востоке страны существовало военное положение. Въезд в эти районы иностранцам, не имевшим специального разрешения, был запрещен. В некоторых районах, примыкающих к Иракскому Курдистану, где живет несколько миллионов курдов, запрет сохраняется до сих пор. Автор этой статьи, швейцарский журналист Арман Гаспар, посетил несколько городов той части Турции, которая остается еще в значительной мере неизвестной. Мы помещаем сокращенный перевод его репортажа, напечатанный во французской газете «Монд».

ПУТЕШЕСТВИЕ началось с Трабзона. Название это вызывает в памяти «Анабасис» Ксенофонта, Митридата, царство Комненов, которое на восемь лет пережило падение Византии. После первой мировой войны кое-кто подумывал о возрождении греческого понтийского царства со столицей в Трабзоне, однако кемалистский рывок рассеял эти химеры.

После прихода к власти Кемаль Ататюрк избрал своей летней резиденцией этот красивый край на берегу Черного моря. До последней войны Трабзон был важным транзитным портом и насчитывал множество иностранных консульств. Теперь там остается только иранское консульство. Европейцев не встретишь. Прежняя христианская община исчезла.

Есть, однако, и новоселы в Трабзоне: это американцы. Они создали базу пакта СЕНТО. Недавно порт был расширен, полностью модернизирован, снабжен оборудованием, главным поставщиком которого служила Англия. Теперь пропускная способность порта более миллиона тонн в год. Эта операция, закончившаяся в течение лета 1963 года, даст новый импульс торговой активности Трабзона, в особенности, когда будет улучшено сообщение с Ираном, и через Иран — с Пакистаном.

Следующий этап — Эрзурум. Прежде чем достигнуть цели, надо совершить восхождение по скверной дороге на высоту свыше двух тысяч метров над уровнем моря, затем предстоит двукратный спуск примерно до уровня тысячи метров. В освещенной лунной местности неожиданно натываемся на бульдозер и группу лохматых рабочих, ремонтирующих дорогу или проводящих телефонную связь. На краю пропасти трясется автобус с 40 мужчинами в фуражках — символ кемалистской Турции, — женщиной, лицо ее настолько скрыто, что трудно угадать, молодая она или старая, и двумя европейцами, которых пристально рассматривают их грубоватые, но привливые попутчики.

Город Эрзурум расположен на широкой равнине, на высоте около двух тысяч метров. Окружающие его горы покрыты снегом, и летом жара может достигать 40 градусов, тогда как зимой термометр падает порой до 40 градусов ниже нуля. В это время близ города бродят стаи волков. Несмотря на суровые условия жизни, местность эта обитаема со времен бронзового века. Это был крупный римский город. Сегодня он насчитывает до ста тысяч населения. Эрзурум — один из больших перекрестков не только на пути из Турции на Кавказ (в настоящее время заброшенном), но и на пути в Иран и Индию; исторический перевалочный пункт больших караванов Персии, а в наши дни — гараж и посадочная площадка на пути между Ираном и Европой, проходящем через Анкару или Трабзон. Этот необычайный город перепрыгивает почти без переходных ступеней из эпохи Христа или Геродота в XX век. Он имеет два лица — одно остается неизменным со времен глубокой древности, другое — новое, образованное в 2000-й год.

Большая часть города, подобно деревням этого района, состоит из одноэтажных домов, построенных из необожженного кирпича. Центр выглядит как современный город. Такие города можно встретить на Балканах или на Ближнем Востоке. Тем не менее на автомобилях или на Ближнем Востоке. Тем не менее на автомобилях или на Ближнем Востоке. Тем не менее на автомобилях или на Ближнем Востоке. Тем не менее на автомобилях или на Ближнем Востоке.

студенткой, одетой по-европейски. Здесь — ультра- современная больница, начавшая работать с 1963 года, и новый университет, открытый прошлой весной. Здания построены по японским проектам в расчете на сопротивляемость сейсмическим колебаниям. Близ университетского двора построены площадки для занятий зимним спортом, а в летнее время там будет плавательный бассейн. Закончено строительство части университетского городка и открыта половина факультетов. Предпочтение справед-

ливо отдано сельскохозяйственным наукам. Образцовая ферма служит опытным полем для огородных культур, которые выгодно выращивать на этой высоте. Имеется также замечательно оборудованная лаборатория, которой руководит турецкий ученый-медик, пользующийся мировой известностью.

От Эрзурума до советской границы тянется все тот же край высоких гор, богатых пастбищ, где пасутся табуны лошадей, стада баранов или быков. Несколько лет назад там обосновался один швейцарский сыровар. Он создал процветающее предприятие по производству швейцарского сыра. Природные ресурсы района еще мало используются, особенно гидроэнергия, и большинство деревень выглядит нищенскими.

Правительство обращало на эту область мало внимания, должно быть, считая ее слишком подверженной опасности в случае войны.

Крепостной город Карс не очень привлекателен. Целый район с его зданиями бывшей царской администрации, казармами, полуразвалившимися церквями, видимо, остается в таком состоянии, в каком он находился после боев 1917—1920 годов. Близкое расстояние от СССР чувствуется во многом. Станция — это конечный пункт трансанатолийской дороги и в то же время начало железнодорожной линии с широкой колеёй, как в России. Получив визу в местном советском консульстве, можно вернуться в Европу через Россию, сев на поезд, который два раза в неделю отправляется в Закавказье.

Примерно в 50 километрах от Карса, близ самой границы, находится мертвый город Ани — славная столица царей Армении в средние века. Туда можно попасть по очень плохой, изобилующей рытвинами дороге обязательно в сопровождении жандарма или турецкого солдата. Почти ничего не осталось от «тысячи и одной церкви», воспетых поэтами тех времен. Частично сохранилось с полдюжины церквей, а также крепостные стены. Но зрелище потрясающее: высокая трава и чертополох покрывают город, в котором в X веке было 200 тысяч жителей. Развалины христианских храмов возвышаются над бурными скалами, у подножия которых катит свои мутные воды река, служащая границей между двумя мирами. На другом берегу видны пограничные посты Советской Армении. В последние годы археологи и любители искусства совершают паломничество в Ани. Многие настаивают, чтобы власти обеспечили охрану этих сокровищ культуры, хранителем которых оказалась сегодняшняя Турция.

Дорога тянется вдоль турецко-советской границы. На юге она ведет в долину реки Араке. Здесь, сверкая белизной, величаво возвышается на пять тысяч метров **Арагат** — гора Ноева ковчега и оливковой ветви, вечная свидетельница великого обновления и великого примирения. Когда я выразил желание посетить вилайеты, граничащие с Ираком, Ираном и Сирией, а в частности исторический город Ван, министерство информации и туризма в Анкаре поблагодарило меня за интерес к Турции, но, выразив сожаление, указало, что можно отправиться, куда угодно, кроме городов Урфа, Мардин, Битлис, Ван и Хакяри.

Иногда власти делают исключения. Так, в мае этого года американский писатель Вильям Сароян получил разрешение отправиться на своем «кадиллаке» в эти провинции, в частности в Битлис, откуда его родители в начале века эмигрировали в Калифорнию, где и родился автор книги «Мое имя Арам». Моей жене и мне после двух отказов также посчастливилось побывать в «запретных» зонах. Однако один из чиновников уведомил нас, что писа-

тель или археолог гораздо менее «нежелателен» там, чем журналист.

Ванский самолет оставил в Малатье — последнем городе «свободной» зоны — всех иностранцев, за исключением двух американских офицеров в военной форме и нас. Сошли с самолета английский дипломат, двое скандинавов в туристских костюмах, два японца в черной паре и шляпах при 30 градусах жары в тени. Их места были заняты бородатым крестьянином с дочерью в чадре. Крестьянин вез дочь в деревню ее жениха. В самолете воцарилась атмосфера пассажирского поезда: торговцы, политические деятели, рабочие вскрывали бутылки раки¹ и открывали корзины с провизией, угощая друг друга. Для нас веселье прекратилось при первой же посадке — в Диярбакыре.

Полиция не была предупреждена о нашей поездке, у нас не было пропуска, подписанного военными властями, а только письмо от «Миллиет» — одной из основных газет Стамбула. Паспорта и другие документы были отобраны. Несмотря на продолжительные объяснения, полицейский был непоколебим. Никакие доводы его не трогали, даже замечание одного пассажира, что супружеская чета швейцарских туристов совершенно безопасна в сравнении с американскими военными, которые имеют доступ ко всем секретам турецкой национальной обороны. В конце концов командир самолета связался с генеральным директором полиции города и получил разрешение вновь взять нас на борт.

Года три или четыре назад во время первого полета самолет персидской авиационной компании вынужден был на рассвете совершить посадку посреди реактивных самолетов и других машин, прибывших непосредственно из США на крупнейший военный аэродром близ советского Кавказа. Местные власти не были информированы об этом полете и невольно показали примерно 30 журналистам то, что те не должны были видеть.

Диярбакыр — большой город, окруженный средневековыми стенами. Я помню его кишачие людьми улицы, жаркий, пропитанный влажной влагой, слишком педантичных чиновников.

Совсем иначе выглядит Ван — цель нашей поездки, расположенный в горах на высоте 1700 метров на берегу соленого озера, являющегося настоящим внутренним морем и в семь раз превышающего по величине Женевское озеро. Ван — один из древнейших городов мира. Более чем за тысячу лет до нашей эры он был центром царства Урарту, соперника Ассирии, затем столицей Армении. Всюду следы этого прошлого: клинообразные надписи на скалах, построенный в X веке на острове Ахтамар собор с прекрасными лепными украшениями. Еще в начале XX столетия Ван был городом, насчитывавшим от 80 до 100 тысяч жителей, городом с процветающей армянской общиной. Затем наступил упадок. Сейчас растет новый город в нескольких километрах от старого. Население его достигает около 30 тысяч человек. Это вдвое больше, чем было лет десять назад.

Я спрашивал о причине запрещения посещать этот район. Стратегических сооружений там не видно и военных очень мало, тогда как в районе Эрзурума и Карса, теперь доступном для туристов, можно видеть целые дивизии на маневрах со всем воинским снаряжением, которое, казалось бы, следовало скрыть от нескромных глаз. Мне объяснили, что причиной запрещения были курды. Генерал Гюрсель

¹ Раки — водка.

вскоре после того, как стал президентом республики, заявил, что в Турции нет курдского народа, существуют только «турки-горцы». В 1962 году вышедший в Стамбуле журнал «Барыш дюньясы» (впоследствии он был запрещен) опубликовал весьма аргументированную работу, в которой говорилось, что в восточных вилайетах живут миллионы турецких граждан курдского происхождения, большое число которых даже не знает турецкого языка. Журнал не ошибся. Это мне подтвердили правительственные чиновники и молодые офицеры, которые во исполнение нового, вполне разумного устава проводят теперь большую часть своей воинской службы в качестве учителей в деревнях, где в прошлом не было школ. Их первая задача — обучать начаткам турецкого языка школьников, которые дома не говорят по-турецки.

Меня поразило не то, что в Турции встает курдская проблема, но то, что она не является там «запретной», как это порой кажется в Европе и даже в Стамбуле. В Ване об этом говорят свободно. На одном собрании в присутствии мэра и местной знати курдский вопрос был открыто затронут. Мои собеседники поинтересовались, каким образом во Франции эльзасцы и бретонцы могут развивать свои говоры и сохранять свои культурные традиции и при этом не быть отнесены к категории граждан второго разряда или заподозрены в нелояльности...

Если в недавнем прошлом многие курды были посажены в тюрьмы или высланы, то теперь положение улучшается. Судебное дело о государственной измене, возбужденное больше трех лет назад против примерно 50 курдов, было прекращено весной 1964 года. Поднят вопрос о включении в передачу ванского радио программ из курдского фольклора. Эта инициатива не бескорыстна, поскольку в таком случае у многих радиослушателей-курдов не будет необходимости ловить радиостанции Ирана, Ирака и даже Советской Армении. Однако остается юридическое препятствие, ибо закон 1924 года запрещает пользоваться курдским языком.

В конечном итоге если существование курдской проблемы в Турции неоспоримо, то она ставится здесь в иных условиях, чем в Ираке, где поднял восстание генерал Барзани. Решение ее, видимо, должно стать частью решения общей проблемы — ликвидации экономической, социальной и культурной отсталости Анатолии.

Для развития этой части Ближнего Востока необходимо улучшить дороги. С помощью СЕНТО анкарское правительство приступает к строительству дороги и железнодорожной линии, которые в скором времени свяжут Турцию с Ираном и Индией. Железная дорога, доходившая до Муша, продолжена до Татвана — на западном берегу озера Ван. Переправа через озеро производится на пароме. Из Вана дорога пойдет в горы, пересечет границу в Котура и соединится в Шерафханэ, на севере озера Резайе, с железной дорогой Тебриз — Тегеран. Это строительство должно быть закончено через три года. Вместо того чтобы делать крюк через Суэц, экспорт из Ирана и других азиатских стран в Европу будет идти по наземному пути. Тем самым срок движения товаров сократится с шести недель до шести дней. С другой стороны, европейский турист сможет ехать на автомобиле из Парижа до Тегерана через район, полукочевое население которого никогда не видело автомобиля. Начнется новая эпоха в истории связей между Ближним и Средним Востоком и Западом, новая эпоха в жизни сурового и бедного края, носящего на себе отпечаток первых шагов человечества.

ПО ДОРОГАМ ЛАОСА

(Окончание. Начало см. на стр. 39)

На втором съезде «Нео Лао Итсала», который состоялся в январе 1956 года, Фронт был преобразован в «Нео Лао Хак Сат». В его программе указывалось, что главной целью является строительство мирного, независимого, демократического и единого Лаоса». В апреле этого года в Сам-Нёа проходил второй конгресс «Нео Лао Хак Сат», который утвердил новую программу действий. Основной первоочередной задачей лаосского народа, говорится в ней, является борьба за мирный, нейтральный, независимый, демократический и процветающий Лаос на основе строгого и полного выполнения Женевских и других соглашений по Лаосу.

В программе выдвигаются конкретные меры для реализации этих задач. Большое место в ней уделено внутренним вопросам, в частности аграрной проблеме. «Усилить борьбу за самообеспечение, добываясь одновременно помощи других стран, не обставленной никакими условиями, для строительства независимой экономики, находящейся под полным единым контролем и в руках коалиционного правительства, — говорится в программе. — Ликвидировать остатки режима «куонг лям» и торговых монополий, помочь населению в развитии производства, освоении лесных богатств, в расширении товарооборота, в развитии кустарной промышленности и создании индустрии». Программа касается и изменения политической обстановки в стране после подписания летом 1962 года Женевских соглашений по Лаосу.

«Главным препятствием на пути объединения страны являются американские империалисты и их агентура, — подчеркивает принц Суфанувонг. — Именно в результате их грязных происков произошел раскол в рядах нейтралитетов на правых и левых. Если к лету 1962 года расстановка сил была один к двум, то есть правой группировке противостоял боевой союз Патет-Лао и нейтралитетов, то с весны прошлого года сформировались две основные группировки. Патриотические силы представляются Патет-Лао и выступающими с ним в тесном союзе левыми нейтралитами, а им противопоставлена реакция, с которой блокируются правые нейтралитеты и которая активно поддерживается иностранными империалистами. Но время работает на патриотические силы, несмотря на происки внешней и внутренней реакции».

Наша беседа подходит к концу. «Я хотел бы подчеркнуть, — сказал принц Суфанувонг в заключение, — что мы придаем важное значение дальнейшему укреплению дружественных отношений между нашими народами, нашими странами.

Желаю великому братскому советскому народу больших успехов в строительстве коммунизма в вашей стране, в деле оказания помощи национально-освободительному движению, в борьбе за сохранение мира во всем мире. Я уверен, что героический советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза успешно построит коммунизм».

Лаос, 1964 год